

18.12.91

М. Ростропович и семья - 1991-1992 г.г. (№ 50) - с. 13

Если вы не все понимаете в английском характере, спросите у русского — он объяснит. Во всяком случае **Мстислав Ростропович** делает это охотно — на своем фантастическом английском, сверхвыразительном, но отрицающем все, сколько их есть, правила грамматики. Дело в том, что он ставит со студентами лондонской Гилдхоллской школы музыки и драматических искусств комическую оперу «Дуэнья». И во время репетиций призывает их освободиться, отбросить внутренние запреты, рисковать.

— Русские и итальянцы поют, как птицы, — утверждает маэстро, — волнуясь и наслаждаясь. Англичане закрыты, замкнуты. Может быть, из-за погоды — они всегда застегнуты на все пуговицы. Я видел однажды в парке пожилую пару. Они любовались цветами, он очень спокойно сказал ей: «Как они прекрасны». Русский бы завопил, размахивая руками: «О! как! они! прекрасны!» Я дружил с Бенджамином Бриттеном и Дмитрием Шостаковичем. Бриттен, слушая музыку, иногда шептал мне: «Разве это не восхитительно!»

говорили об искусстве композиции. Я ходил за ним, как собака, но многие другие, числившиеся друзьями, бросили его в это время.

Когда я вернусь...

Дмитрий всплескивал руками и вопил. Я так любил их обоим.

Ростропович дает в Лондоне несколько концертов с Лондонским симфоническим оркестром в честь 100-летия еще одного своего великого друга — Сергея Прокофьева, которого называет учителем и кумиром. На торжествах, посвященных Прокофьеву в Англии, исполнялось несколько самых популярных вещей, а многие его симфонии, концерты, оперы, камерная музыка, музыка к фильмам пребывали в забвении. Ростропович намерен продемонстрировать прежде всего лирическую сторону дарования композитора: «Я не знаю больше ни у кого такой красоты и чистоты чувств в музыке».

Дружба между композитором и молодым виолончелистом началась в 1948 году, во времена, когда многие мастера культуры подвергались гонениям.

— В Московской консерватории я был учеником Шостаковича по классу композиции. Написал несколько концертов — очень плохих. Однажды пришел в консерваторию и узнал, что Шостакович больше не преподает. Он, оказывается, недостаточно квалифицирован. Прокофьева тоже признали негодным. Мы жили с ним в двух кварталах друг от друга, виделись ежедневно.

Прокофьев был очень застенчив, не любил бывать на людях, общаться. Иногда, идя по улице, он вдруг снимал очки и начинал их протирать — это чтобы «не заметить» знакомых и избежать приветствий и расспросов. В профессии он был полной противоположностью Шостаковичу. Шостакович один-единственный раз показал мне не вполне законченную работу. Прокофьев показывал отрывки, крохотные фрагменты — чуть ли не несколько нот. Иногда говорил: «Слава, возьми этот отрывок, добавь еще немного музыки и покажи мне». Я уходил работать — работал, как никогда раньше, нервничая. Он приходил ко мне, смотрел, молчал, мычал, потом брал карандаш и изменял одну ноту. Только одну! И пассаж становился гениальным!

В последние годы Прокофьева «Слава» каждое лето проводил пару месяцев у него на даче и работал вместе с ним над многими вещами. В эти годы были написаны «Концертная симфония», Соната для виолончели, опера «Война и мир».

— Прокофьев был очень сложным человеком, — рассказывает Ростропович, — но честен, искренен, как ребенок. Однажды я впервые играл в концерте вещь его большого друга Мясковского. Он пришел за кулисы. «Слава, — начал он. Я заулыбался и приготовился выслу-

шивать комплименты. — Слава, когда ты быстро играешь на басах, я не слышу ни ни одной ноты». Увидел мою перевернутую физиономию и быстро добавил: «Но на верхах ты абсолютно великолепен». А вот с Шостаковичем вы никогда не знали, что он думает на самом деле. Он мог хвалить исполнителя, даже если он играет, извините, как свинья. Для Ростроповича дружба не менее — если не более — важна, чем музыка.

— Дружба — дар божий. Ей я обязан большим даже, чем виолончели.

Более 50 произведений посвятили Ростроповичу композиторы, дружившие с ним. Его преданность другу — Александру Солженицыну — была главной причиной его изгнания из СССР.

— За 25 лет я воспитал в Москве целые поколения виолончелистов. И вдруг стал для моей страны ничем. Один из моих студентов сказал: «Мне очень жаль, что я учился в одном классе с сыном проститутки Ростроповича».

Уверенные, что проведут остаток дней на Западе, Ростропович и Вишневецкая вернулись на родину в 1989 году по приглашению Горбачева. Вообще-то был приглашен американский Национальный симфонический оркестр, и Ростропович встал перед выбором.

— Я должен был ехать как руководитель оркестра, но не был уверен, что должен. Я не в большом восторге от Горбачева, но это великий человек, и, конечно, он войдет в историю. Теперь начинается мой новый роман с моей страной, которая дала так много и в одну минуту лишила всего.

«Новый роман» Ростроповича привел его в Москву в дни путча.

— На этот раз я был уверен, что должен ехать, даже если меня убьют. Эти три дня значат для меня больше, чем 64 года прожитой жизни. Если бы мне предложили выбрать: три дня в августе или вся жизнь, я бы выбрал три дня.

Вернется ли Ростропович когда-нибудь в свою страну навсегда? Запад встретил его хорошо, сделал богатым, наградил десятками премий и титулов, дал ему дом [лучше, несколько домов].

— Когда я вернусь... В 1993 году в Санкт-Петербург [это новое, старое имя города так меня радует], но не смогу там остаться надолго — до 1995 года вся моя жизнь распланирована по дням. Может быть, когда Ленина не будет в Мавзолее, коммунистическая партия расстанется с остатками влияния и власти, а Серп и Молот повсюду исчезнут, я вернусь домой. Навсегда.